

Греческое житие св. Иоанна Дамаскина

I. Обыкновенно люди почитают священные изображения тех мужей, которые сохранили образ Божий незапятнанным и неповрежденным — являлся ли он таковым с начала, или был восстановлен после того, как прежде не раз изглаживался и загрязнялся. А кто хочет обнаружить в отношении них особенное почтение, те, изображая черты святых, щедро на всякое великолепие рукою употребляют лучшие и изящные материалы, полагая, что этим они оказывают большую честь святым. Итак, если (люди) в такой степени заботятся об изяществе изображений святых, то неужели следует, повествуя об их деяниях, допускать, чтобы речь были небрежна и не изящна? Никоим образом. В самом деле, невежественным людям простительно, если они, как могут, необработанными словами рассказывают о деяниях угодивших Христу. Но тем, у кого слово было предметом изучения, непростительно слагать жития святых небрежно, как попало, и особенно о таких мужах, которые дышали и жили для науки и которые своим словом очищали ум от неведения и забвения, а душу от всякого страстного движения, — и которыми укрощается вселенная, и всякий ум просветился писаниями, над которыми они трудились и которые не внешней только премудрости имеют сладость, но и издают обильный свет Утешителя.

II. Одним из них и из первых между ними является великий Иоанн, получивший наименование от своего отечественного города Дамаска. Он был не малое светило на церковном небосклоне, но весьма великое и весьма блестящее. Он блистал не только во тьме ереси, всюду распространившейся, но он разгонял всякую ночь неправого учения своими посланиями. В самом деле, повсюду во вселенной распространилась ночь, помрачая светлые черты почитаемых икон, и мрак был глубок. Тот же, который его распространял и производил, не простой был человек, который сеял бы зло лишь в одной части вселенной, но этот в руках держал, так сказать, пределы вселенной, ибо он обладал скипетром римской империи. Поэтому и велик был тот, чье дыхание всюду веяло, и который со страшною силою искоренял священные изображения; а тех, которые почитали их, этот государь, бывший по имени и по духу Львом, одних сделал себе пищею, яко лев восхищай и рыкай (Пс. XXI, 14), других же православных своим рыканием рассеял по различным странам и заставил их скрываться в подземных убежищах. И многие предпочитали обитать со львами и драконами, чем жить вместе с ним и его пособниками. Иные же, под действием страха, бежали в отдаленные пределы вселенной, ибо лев взревет, и кто не убоится (Амос. III, 8) — и убегали от него, как от лица змея.

III. Этот же муж, исполненный духовной благодати и соименный ей, воспылал гневом против единого этого змея, так что и гнев стал ревностью и добродетелью. Не во Фракии живя в то время, убежал он к савроматам, и не из Византии удалился к геркулесовым столбам, и не из царских чертогов ушел в пустыни, испуганный рыканием льва; но проводя время сначала в Дамаске, а затем в Палестине и подвизаясь в пустынном месте, он благороднейшим образом вступил в борьбу против Льва, и, несмотря на столь великое расстояние, мой трижды сильный борец своими книгами, выкованными на огне Утешителя и закаленными водою жизни, пронзил, словно трехконечным копьем, сердце царя. Но об этом в соответствующем месте пространнее и лучше изложит наше слово. Итак, неужели следует допустить, чтобы жизнь такого мужа была написана, как попало, грубыми словами, и притом еще на арабском языке и арабскими письменами? Ни в коем случае. Посему должно рассказать, от какого благородного корня произошел этот цветущий отпрыск и какое отечество хвалится тем, что его произвело.

IV. Этим отечеством был город Дамаск. Подобно тому, как этот город хвалится Павлом, ибо первый увидел восхищенного на небо, когда тот оставил нечестие и из недруга Христа сделался Его другом, так он прекрасно и славно хвалится и этим мужем

(Иоанном), ибо он пришел сюда не из других стран и не из другой веры перешел к православной, но город этот произвел его, повил его более для благочестия, нежели для телесного существования, и, вскормив его наукою, сильно хвалится своей отраслью. Этот город гордится и радуется этим мужем более, чем другими своими славными достопримечательностями, например, умеренностью своего климата, сладкими и прозрачными водами притока, которые его обильно орошают. Этот город превозносится и гордится не обилием благородных плодов, а тем, что в нем произросло это прекрасное и благородное дерево, воспитанное при исходящих вод (Пс. 1, 3) и давшее плоды духа во время свое; и некоторые из его плодов все время остаются у нас свежими, приятными для взора и сладкими для вкуса. И тех, кто касается их и вкушает, они не только услаждают, но и питают, и способствуют росту вкушающего, и возводят, и совершают его в мужа совершенного в Св. Духе. Таким образом, город Дамаск этим своим порождением славился более, чем всеми другими своими благами и удовольствиями, которыми он изобиловал; таков был город, из которого произошел этот муж.

V. Его предки были благочестивы, и только одни соблюли среди терний цвет благочестия и благоухание Христова звания. Только они сохранили название христиан, как некоторое славное и неотъемлемое наследие, ничем не запятнав православной веры, с тех пор как потомки Агари овладели городом. Отсюда, за свою добродетель, они сделались славными среди неверных, так как их добродетель почитали и враги, — или, лучше сказать, подобно тому, как Бог прославил Даниила у ассириян за обнаруженное им благочестие (Дан. II, 48), а Иосифа в Египте (Быт. XLI, 41), из пленников сделав их начальниками и господами среди чужих и врагов, так и здесь предков Иоанна Он сделал правителями дел у самих сарацин. Таким образом и здесь благочестивые пленники стали управлять пленившими их неверными. О, великие чудеса Божии и поразительные знамения! Нет ничего выше добродетели! Нет ничего ценнее и выше благочестия! Ибо как знамя на холме (Ис. XXX, 17), или лучше сказать, как светильник ночью, как семя Израилю (Ис. I, 9), как искра в пепле, так род предков Иоанна остался в Дамаске, чтобы произвести этот блестящий светильник, который должен осветить пределы земли; таковы были предки у восхваляемого (мужа).

VI. Отец его, исходя от столь доброго корня, старался благочестием и прочими добродетелями превзойти своих родителей, обнаруживая особенную любовь к Богу; ибо надлежало, чтобы столь славный муж, который должен был достигнуть вершин добродетели, имел ближайшим виновником своего бытия такого человека, который был бы выше своих предков, чтобы восхождение на высоту совершалось правильно, как бы чрез постепенное поступательное движения. Таким образом казалось, что в отношении этого великого и славного мужа божественным Промышлением свыше все устраивается так же, как прежде в отношении Иоанна Крестителя. Так как должен был воссиять больший бывших до него пророков и совершить тайну всего предшествовавшего ему священства, именно, крещение Господа, то Промышлением было устроено так, что он произошел не от простых людей, но вышел из священнической семьи, и родитель его был пророк. Так и здесь родителем Иоанна божественное Провидение избирает человека в высшей степени благочестивого и человеколюбивого; ибо, будучи поставлен за превосходство своей добродетели и за другие преимущества своей жизни распорядителем общественных дел во всей стране, он собранные им обильные богатства употреблял не на гулянья и пиры и бесполезные траты, но то, что имел золотом и другим (движимым) имуществом, употреблял на выкуп пленных христиан. Что же касается его недвижимых имений, большая часть которых находилась в Иудее и Палестине, то он предоставлял их для отдыха и пропитания тем выкупленным им христианам, которые селились в этих местах; других же он отпускал, свободно позволяя им идти, куда хотят. Такова была

человеколюбивая добродетель этого мужа. Имея много, он как будто не имел ничего, и день и ночь отдавая свое богатство Богу.

VII. Будучи таковым, он получает в качестве награды не за страннoлюбие, как Авраам, а за человеколюбие дивное дитя, родившееся, если не по обетованию, то по Божественному предвидению и предопределению; ибо Бог, предвидя, каким будет Иоанн, предопределил, чтобы он родился от этого мужа в награду за его постоянное человеколюбие к тем, которые лишались свободы и попадали в ужасное рабство. Итак, у него рождается это славное дитя. и его, еще младенцем, отец делает сыном света чрез возрождение от духовной матери. Этим он совершает дело в то время весьма нелегкое, на которое не многие могли осмелиться, живя среди язычников. После этого, заботою отца отрока было не то, чтобы научить его искусно ездить верхом, ловко владеть копьём, метко стрелять из лука или сражаться со зверями и, вместо естественной кротости, сообщить ему зверскую жестокость, которая обыкновенно бывает уделом большинства тех, чей дух часто возмущается гневом и кто привык производить дикие и неистовые движения. Поэтому отцу Иоанна не требовался другой Хирон, воспитанный на горах, который бы вскормил своего ученика мозгами оленей; но ему нужен был всесторонне образованный муж, который бы знал всякую науку, который бы от сердца своего отрыгал благие слова (Пс.XLIV,2), чтобы он и сына его воспитал этою пищею и этими лакомствами. И Бог исполняет священное желание мужа, и ищущий находит того, кого он искал. Образ же обретения желаемого таков.

VIII. Дамасские варвары, сделав обычный набег на приморские страны, увели в плен многих христиан. Затем, отправившись на кораблях в море, они пленили еще многих. Приведя после того пленных в свой город, одних они выставили на продажу, а других повлекли, чтобы дать пищу мечу. Среди последних был один муж, одетый в монашескую одежду, родом из Италии, прекрасный (kosmios) по виду, еще более прекрасный (kosmioteros) душой, и по имени Косьма (kosmas). Некоторая величавость его внешнего вида свидетельствовала о его внутренних качествах. Влекомые на казнь припадали к ногам его, просили его умилосердить о них Бога и помолиться, чтобы они нашли у человеколюбивого Бога прощение своих согрешений. Варвары, видя то почтение, которое обреченные на смерть оказывали этому величественному мужу, подойдя, спросили у него, какую он должность занимал у христиан и какими почестями пользовался. Он же отвечал им такими словами: "Никакой мирской должности я не занимал, а облечен только священническим помазанием; я простой монах, предавшийся занятию философией не только нашей и боголюбивой, но и той, которой учили языческие мудрецы". Когда же он сказал это, глаза его наполнились слезами.

IX. Невдалеке стоял отец Иоанна, и, увидя плачущего мужа, он подошел к нему, чтобы утешить его в несчастьях, и сказал: "Почему же ты, человек Божий, оплакиваешь потерю, как я этого мира, ты, который уже давно отказался от него и умер вижу по твоему платью". А монах ему отвечал: "Я оплакиваю потерю не этой жизни: я, как тот сказал, для мира умер, но меня печалит то, что я постиг всю человеческую мудрость и тот круг наук, который лежит в ее основании. Риторикой я изощрил свой язык, диалектическими приемами и доказательствами воспитал свой ум. нравственную науку изучил так, как предали ее Стагирит [Аристотель] и сын Аристана [Платона]; учение о природе мною было усвоено в такой мере, в какой это доступно человеку; я изучил основы арифметики и в геометрии достиг вершины знания; музыкальные созвучия и пропорции я в достаточной степени исследовал; не оставил я без внимания также и того, что касается небесного движения и вращения светил, чтобы из величия и красоты творений почерпнуть, в меру моего знания, созерцание Творца. Ибо кто приобретает более ясное познание творений, тот и более ясно мыслит и дивясь выше ценить Того. Кто их создал. Отсюда я перешел к

тайнам богословия, как того, которое нам предали сыны эллинов, так и того, которому безошибочно учили наши богословы. Напитавшись этими познаниями, я еще не успел передать проистекающую из них пользу другим и не успел родить сына в философии, подобного своему отцу; ибо подобно тому, как большинство людей желает иметь естественных детей, полагая, что чрез это сохраняется преемство их рода, так и те, которые занимаются философией, желают родить детей чрез научение и посвящение, чтобы златой род философов сохранялся в жизни все время. И те, кто рожают такого дивного сына, приобретают бессмертную славу. Кроме того, благодати свойственно, что она и другим сообщает те блага, которыми сама богата. Тот же, кто не таков и не желает этого, тот пребывает не в добре, но во зле, так как исполнен превозношения и зависти, не желая поделиться с другими тем благом, которое сам получил. Поэтому и еже мнится имей, берется у него, как у того раба, который не отдал своего таланта торжникам (Мф. XXV, 29). Я же избрал благу часть и усиленно стремился сообщить присущую мне мудрость другим. А так как я не достиг того, чего желал, чтобы мне занять место среди верных рабом, удвоивших свои таланты, отдав их на пользование другим, и так как я не имею сына в философии и ухожу, так сказать, бездетным, то потому я, как ты видишь, печален, обливаю лицо слезами и страшно скорблю.

X. Услыхав эти слова (отец Иоанн), который искал такого сокровища, отвечал ему: "Полно, блаженный муж, ободрись, может быть Господь исполнит желания сердца твоего". С этими словами отец Иоанна поспешно пошел к сарацинскому князю и, припав к его ногам, просил себе прекрасного Косьму. И его просьба не была отвергнута. Он получает дар, который подлинно стоил дорого. И отведя мужа в свой дом, он утешал его и старался рассеять его печаль. При этом он присовокупил еще такие слова: "Ты не только отныне свободен, но я тебя делаю сообщником моего дома, господином вместе со мной, соучастником всякой моей радости и печали. От тебя же, почтенный муж, я прошу только одного, чтобы ты тщательнейшим образом воспитал и научил моего сына по крови, Иоанна, а также этого другого отрока, у которого одно с тобой имя, которого я сделал своим духовным сыном и который происходит из Иерусалима и с младых лет потерял своих плотских родителей, всякой, какую ты знаешь, науке и философии, как внешней, так и той, в которую благодать Духа посвятила достойных". Философ же, слыша эти слова, был подобен коню, порвавшему узду и бегущему по равнине, или оленю, жаждущему и выпущенному на источники водные (Пс. XLI, 2). Ты сказал бы, что это некоторый мидянин, нашедший великие сокровища золота. С такою ревностью к делу он принимает юношей и становится их учителем.

XI. При превосходстве своей природы и при ревности своей воли, Иоанн был словно орел, летающий в небе, как будто у него были крылья. Его же духовный брат и соученик Косьма был подобен кораблю, окрыленному парусами, или торговому судну, плывущему по воде, когда дует попутный ветер и тихо веет в его корму. Так, благодаря превосходству их дарований и ревности, они в короткое время овладели всем труднейшим знанием, как грамматикой, так диалектикой и искусством доказательств. В нравственной же философии они успели настолько, что не только украсили свой ум ее изучением, но и смирили душевные страсти. И подобно тому, как орел смотрит на солнце, так и они пристальным взором взирали на основы природы. Арифметические пропорции они усвоили так же хорошо, как какие-нибудь Пифагоры или Диофанты, а геометрические доказательства ими были настолько изучены, что они могли показаться какими-то Эвклидами или подобными ему. В музыкальном искусстве они достигли такого совершенства, какое сведущие люди находят в созданных ими божественных песнопениях. Что касается астрономии, то, хотя Иоанн, сообразуясь с ограниченным познанием простых людей, и мало писал о расстоянии, фигурах и пропорциях расстояний, однако, каков был он в знаниях этого рода, его писания ясно показывают. Таков же был,

несомненно, и Косьма. Но речь о нем я предоставляю другим, — ибо Иоанн — предмет наших похвал.

XII. Что касается богословия и точного выражения догматов, то кто не признает здесь его достоинств и не подивится им на основании его основоположительной книги или, лучше сказать, совершеннейшей в догматах веры книги, которую если кто назовет законоположением всего правого учения и Моисеевыми скрижалями, не погрешит против истины. Впрочем, я знаю, что об этой книге мне еще предстоит говорить с похвалой далее, а не теперь; но мы сказали об этом, чтобы показать, какое образование он получил и как разумно и точно изучил он всякую науку. И удивительно то, что он не гордился знанием, но подобно тому, как благородные ветви растений, отягченные обильным плодом, склоняются вниз, к земле, так и великий Иоанн, несмотря на умножение плодов его знания, склонялся книзу. Однако, его взор склонялся не к земле, но к глубочайшему философскому морю, по которому он еще плавал, как бы на некотором корабле мирского пристрастия. Но он хотел покинуть и корабль этого мира и совершенно сбросить одежды плотского пристрастия и так обнаженным умом переплыть море и погрузиться в глубину, дабы найти лежащую там многоценную жемчужину. Так, желая этого и к этому стремясь, он склонялся к самому дну пучины. И он не надмевался знанием, но смирялся любовью к таинственной мудрости. Таким образом, мысленная лампада души была у него наполнена елеем мирской мудрости, чтобы невещественный свет, сойдя свыше на эту лампаду, зажжет ее и чтобы Иоанн весь просветился светом.

XIII. После этого его учитель, по-видимому, приведенный к этому желанию успехами ученика, является к отцу отрока и говорит: "Вот твое желание исполнилось, и отроки превосходят меня самого в мудрости, ибо они не удовольствовались тем, что сравнялись с учителем, но, благодаря превосходству своих дарований и своим трудам, а может быть, и благодаря тому, что Бог умножил им дар мудрости, стали совершеннее меня парить, поднимаясь в высь философии. Поэтому я более им не нужен, и пусть наградою за труд мне будет то, что ты позволишь мне идти в монашескую обитель и там разумно искать высшей мудрости; ибо философия, которой я прежде занимался, приводит меня к этой мудрости. Кроме того, лучше, если я буду изобиловать двумя благами и к прежней мудрости приобрету (новую), совершенно отрешенную от всего вещественного, превышающую всякую мысль и воспринимаемую лишь чистым умом, совершенно отрешившимся от тела". Речь философа была горька отцу Иоанна, однако он не мог удержать его, чтобы не показалось, что он злом хочет воздать ему за научение (сына) наукам, но, снабдив его всем самым необходимым, отпустил его с миром. Косьма же, уйдя в пустыню, в лавру св. Саввы, и пребывая там до смерти, отошел к Богу, Который есть сама мудрость. Умер и отец Иоанна. Сарацинский же князь, призвав к себе Иоанна, хотел назначить его своим первым советником. Он же отказывался, ибо его влекло в другую сторону; однако, под действием настойчивого принуждения, он не мог более противиться и был поставлен в большей должности, нежели его родитель.

XIV. В это время римской империей правил Лев Исаврянин, который в отношении почитаемых икон и всей православной церкви был яко лев восхищай и рыкай (Пс. XXI, 14): иконы он сжигал в своем диком безумстве огнем, а тех, которые им поклонялись, хватал, губил и безжалостно терзал зубами своего тиранического нечестия. Это дошло до слуха Иоанна, и он последует ревности Илии и обличению одноименного с ним (Иоанна Крестителя), как будто Дух невидимо помазал его прежде помазания противника нечестия, и издает книгу, как бы некоторый меч духовный заостренное оружие, которое должно отсечь, словно голову, учение этого зверонравного. Именно, он послал знавшим его православным послание в защиту почитания чтимых икон, в котором весьма глубокомысленно доказывал необходимость поклонения Божественным изображениям. И

их он убеждал другим говорить то же самое и всем показать его письма. Так новый поборник истины всячески старался, чтобы его письма, переходя из рук в руки, распространялись среди верных и укрепляли православное учение, и, по примеру Павла, хотел кругом исходить (всю) вселенную, если не ногами, то тем, что в письмах возвещал истину.

XV. Об этом услышал царь Лев, и, не будучи в состоянии сносить обличения своего нечестия, о котором весьма ясно возвещали писания Иоанна, призвал к себе некоторых из своих единомышленников и приказал им, принявши личину благочестия, путем расспросов и разговоров, постараться найти собственноручное послание Иоанна. Пособники же нечестия, соблюдая всякую осторожность и скрывая свой коварный замысел, искали то, что им было приказано, и найдя вручили царю. Царь же, позвав некоторых из своих писцов, дал им образцы писаний Иоанна для подражания как характеру его письма, так и в отношении смысла, и в отношении выражений. Найдя же, что могущих послужить в этом достаточно, он повелевает им написать, как бы от линии Иоанна, письмо к нему, злоименному царю, такого содержания: "Радуйся, царь, и я сорадуюсь силе твоей, ибо у нас одна и та же вера. Я имею к твоему царскому величеству расположение и должное почтение, в силу которого и об этом довожу до твоего сведения: наш город совсем беспечно охраняется и находящееся здесь агарянское войско слабо и легко может быть исчислено. Сжался же, ради Бога, над этим городом и пошли неожиданно храбрый и многочисленный отряд, сделав вид, что он отправляется в другую сторону. Ты легко завладеешь городом, ибо я с своей стороны немало тебе помогу в этом деле, так как мне подвластна вся эта страна и город".

XVI. Изготовив это письмо, нечестивый царь с одинаковым коварством пишет другое письмо князю сарацинскому в Дамаске. Письмо это было такого содержания: "Так как я знаю, что нет ничего блаженнее мира и счастливее дружбы и что соблюдать мирные договоры похвально и угодно Богу, то я выше всего ставлю сохранять нерушимо те мирные дружеские союзы, которые я заключил с твоим благородием. Однако, один из находящихся под твоею властью христиан своими многочисленными посланиями призывает меня тайно нарушить дружбу с тобой и коварно преступит договор. При этом он уверяет, что весьма поможет мне овладеть твоим городом, если только я пошлю против него многочисленное войско. А в подтверждение того, о чем я тебе написал, посылаю тебе одно из его писем ко мне, чтобы ты убедился, насколько я в своих союзах истинен и непоколебим, и чтобы ты узнал также зломыслие и хитрость того, кто осмелился написать мне это".

XVII. Оба эти письма соименный льву, по хитрости же змиенравный послал через одного из своих людей к варвару. Последний, получив их, призывает Иоанна и показывает ему это коварное писание. Иоанн, прочитав его, признал, что почерк писания похож на его, то же, что в нем заключается, ему совершенно не известно и никогда не приходило на ум. От Иоанна, по прочтении письма, не укрылись хитрость и коварство царя; но князь этот, ненавистник Христа, к словам Иоанна был столь же невнимателен, как, говоря словами басни, осел к игре на лире, и онемел к словам благим и истинным, и не замолчал до тех пор, пока не произнес неправого приговора: немедленно приказывает отсечь правую руку Иоанна. Иоанн просил дать ему краткое время для оправдания и для объяснения безумной ярости против него нечестивого царя; но варвар не позволил и не допустил, сделавшись совершенно вне себя от неистового гнева. Так отсечена была правая рука, которая своими писаниями составляла для православных силу Божью; отсечена правая рука, избличавшая ненавидящих Господа, и вместо чернил, которыми она прежде орошалась, когда писала слово о поклонении иконам, орошается своею кровью. Итак, эту отсеченную правую руку, так сказать, самого Господа повесили на площади.

XVIII. С наступлением вечера, когда, по предположению Иоанна, гнев тирана уже стих, он послал к нему посольство, умоляя его и говоря следующее: "Боль моя усиливается и стала невыносимой; острое страдание не стихнет до тех пор, пока отсеченная рука моя висит в воздухе. Прикажи ее отдать мне, чтобы я скрыл ее под землю и избавился от сильнейшей боли". Тиран тотчас склонился на эту просьбу, и праведнику выдается его рука. Он же, взяв ее, удалился в свою домашнюю молельню и, пав ниц пред священной иконой, изображающей и божественные черты Богородицы, приставил свою правую руку на прежнее место и из глубины сердца молился Милосердной, взывая к Ней со стенаниями и слезами:

Владычице, Пресвятая Мать, родившая Бога моего!
Ради божественных икон отсечена моя правая рука.
Ты знаешь причину, по которой возъярился Левъ;
Поспеш скоро и исцели руку мою.
Десница Вышнего, которая от Тебя восприняла плоть,
Совершает многие силы чрез Твое предстательство.
Пусть Он, по Твоим молитвам, исцелит теперь десницу мою эту,
Дабы она даруемая Тобою песнопения в честь Твою и Воплотившегося от Тебя
Написала в стройных созвучиях, Богородице,
И соделалась пособницей православного богослужения,
Ибо, как Мать Божия, Ты можешь сделать, что Тебе угодно.

Произнося со слезами эти слова, Иоанн заснул и видит во сне святую икону Богородицы, которая смотрит на него милостивыми и светлыми очами и говорит: "Вот рука твоя стала здоровой, не медли более, но сделай ее тростью книжника скорописца (Пс. XLIV, 2), как ты сейчас обещал Мне".

XIX. Когда он исцеленный проснулся, то ощупал свою отрубленную руку и, увидав, что она исцелена, возрадовался духом о Боге, Спасителе своем, и о Матери Его, яко сотвори ему величие Сильный (Лук. I, 47). И став на ноги, он простер свои руки вверх и воспел божественную песнь, которая наиболее соответствовала случаю. И всю ночь совсем домом своим он радовался и воспевал новую благодарственную песнь Богу. Он пел так: "Десница Твоя, Господи, прославилась в силе, десница Твоя мою пораженную десницу исцелила, и через нее поразишь врагов, не почитающих честной иконы Твоей и родившей Тебя, и множеством славы Твоей рукою моею сотрешь противных иконоборцев". И была эта ночь для него днем и светом, а не тьмою (Амос. V, 18); и — если допустить перестановку в словах пророка — был там шум светлый празднующих и глас радования (Пс. XLI, 5) в доме праведного мужа.

И это совершилось не в тайне и не в молчании, но этот дивный звук и это звучное ликование доходило до соседей и окрест. И тотчас некоторые из ненавидящих христиан сарацин пошли к своему князю, говоря ему, что правая рука у Иоанна не отсечена, а (отсечена) у кого-то другого, может быть, у его раба или у кого-либо из его служащих, который по расположению к господину, отдал, вместо его, свою руку; а те, которым было приказано отсечь (руку), вместо наказания, взяли деньги; ибо Иоанн сидит дома и так поет и ликует, что ты сказал бы, что он празднует брак и составляет свадебную песнь, или лучше сказать, его радость, кажется, превышает и такое ликование.

XX. Когда это, таким образом, было доведено до сведения (князя), он призвал Иоанна и, по его приходе, приказал ему показать отсеченную правую руку. Когда он показал ее, явилась некоторая линия отсечения — это устроила Богородица — подтверждая, что отсечение было неложнейшее. После этого варвар сказал: "Какой врач исцелил тебя,

Иоанн, и какие лекарства даны были тебе?" Он же светлым и громким голосом возвестил о совершившемся чуде. "Господь мой, сказал он, всемогущий врач, который имеет силу, равную Его хотению". Варвар ответил ему: "Как я вижу, человек, ты потерпел несправедливо то, что потерпел, и прости нам, что мы подвергли тебя наказанию на основании нашего необдуманного и неразумного приговора. Итак, занимай прежнюю должность, и ты будешь первым из моих советников. И впредь я ничего не буду делать без твоего мнения и совета".

XXI. Он же, упав на землю, поклонился ему и, лежа распростертым на земле, долгое время просил (князя) отпустить его и позволить ему идти другим путем, более ему любезным, и последовать за Тем, Кто сказал: Аз есмь путь (Иоанн. XIV, 6). Но варвар не давал своего согласия, и, казалось, это были единоборцы, как сказал бы кто-либо: варвар и праведный муж. Первый многими способами боролся, желая удержать Иоанна в узах мира; второй же напрягал все силы, чтобы порвать их и улететь на крыльях ангелов. И (перед сражающимися) открывалось тогда великое поле, председателем (состязания) был подвигположник Христос, а зрителями ангелы. Справедливо сказал бы кто-либо, что и злые духи стояли по правую сторону варвара и научали его, как убедить Иоанна, Но с великою славою побеждает мой единоборец, и все убеждения противника он считал как бы детскими стрелами. И он уходит победителем с блестящей повязкой на голове, я с радостным лицом в свой дом входит тот, кто прежде покинул его печальным.

XXII. Иоанн имел пред собою две заповеди Владыки: одну, которая повелевает продать имение и раздать нищим (Лук. XVIII, 22), и другую, которая требовала оставить дом, поля " все прочее, ради имени Владыки (Мф. XIX, 21. 29), но он не занялся исполнением ни первой, может быть, затем, чтобы не вышло промедления, ни второй, чтобы, как это обыкновенно бывает, не произошло множества споров и раздоров между близкими ему по крови, когда один признает справедливым получить одно, а другой другое. Он избирает средний путь между той и другой (заповедью), разделив все, каким владел, имение нищим, пленным рабам своим, которых и свободы удостоил, родственникам и посвятив на Божественные храмы. Как нагим вышел он из чрева матери своей, так нагим удалился и из мира, не имея ничего, кроме необходимых одежд. Придя в Иерусалим и воздав должное поклонение этим священным местам, как олень, жаждущий Бога (Пс. XIX 1), он удаляется в пустыню и приходит в лавру богоносного Саввы, имея соучастника его как в учении, так и в воспитании Косьму не только спутником в дороге, но и сообщником его намерений. Можно сказать, что это была священная тиара, и они спешили под Христово бремя, чтобы подъять Его ярем.

XXIII. Итак Иоанн, который составляет предмет моей книги, входит в этот божественный двор овчий, припадает к ногам пастыря, настойчиво прося принять его кш одну из находящихся здесь овец, называя себя погибшею овцою, возвратившеюся из пустынных гор к пастырю Христу. Предстоятель паствы обрадовался ему и ублажал его намерение. Воздав похвалу ему за жизнь и превосходство знаний, он решил поручить нового пришлеца одному из величайших старцев, чтобы, находясь под его руководством, он шел правильным путем, путем Божьим. Первым он призывает того, которого считал выдающимся среди монахов обители во всех добрых делах, и решил вручить ему Иоанна. Но (старец) отказывался, говоря, что неспособен руководить столь великим мужем, снискавшим великую славу в мудрости. Пастыреначальник отпустил этого старца и призывает после него другого; но и другой сказал то же, что первый. После них. приведен был третий иной, а после тех немало других. И все они в один голос отказывались руководить Иоанном.

XXIV. После многих старцев был приведен, наконец, новый старец, простой нравом, но обильный познанием и ревностный. Приняв ревностного Иоанна, он удалился с ним в свою келью. И прежде всего он заложил ему прочное основание, повелев ничего не делать по собственной воле, жертвовать Богу пот лица своего в молитвах от продолжительности усердия к ним и для того, чтобы очистить пятна прежней жизни, источать из глаз слезы, которые ценятся Христом, как чистая жертва, выше всякого другого курения. Это первое относится к тому, что совершается чрез тело. В отношении же душевного: не следует живописать никакого мирского мечтания, не представлять в душе образов вещей непристойных и соблюдать ум от всякого тщетного превозношения, не гордиться богатством знания и не думать, что в тех науках, которые он изучил, все постигнуто им. не стремиться также к некоторым видениям и откровениям тайны, не впадать в чрезмерную самонадеянность," т. е. не думать, будто, до разлучения души с телом, можно достичь безошибочного знания, но знать, что его помышления боязливы и его умышления погрешительны (Прем. IX, 14). Стараться о том, чтобы не позволять рассеиваться мысли, но тщательнейшим образом сосредоточивать ее, чтобы таким образом дух напитался (Божественным светом, душа очистилась, тело освятилось и, наконец, тело, душа и ум так сочетались бы между собою, чтобы эти три, соединившись с простейшею Троицею, стали чем-то простым, и человек сделался бы не телесным, не душевным. но совершенно духовным, когда разумным произволением две первые части обратятся в третью и первичную — разумею ум. Так советовал отец сыну, учитель ученику и к этому прибавил еще и следующее, говоря: "Ни к кому не посылай писем и не говори ни с кем ни слова о мирском знании, старательно упражняйся в молчании, ибо ты знаешь, что это — правило не только наших философов, но и известный Пифагор самосский предписывал многолетнее молчание своим ученикам, новопосвященным в тайны философии. И ты не думай, что прекрасно не во время говорить хорошие вещи. В этом тебя должен убедить Давид, который говорить; аз умолчах от благ (Пс. XXXVIII, 3), а что отсюда произошло, послушай говорящего: Согресь сердце мое во мне (Пс. XXXVIII, 4), несомненно, огнем любви к Богу, ибо чрез усиленные размышления этот огонь возгорелся в пророке.

XXV. Такие наставления преподавал старец Иоанну, и он не на воде писал и не на скале сеял, но сеял в добрую землю. Итак, прошло довольно много времени, как Иоанн воспитывался у старца, подвергался всяким видам испытания, во всем обнаруживая безукоризненное послушание. И со стороны Иоанна не было противоречия тому, что ему приказывалось; не было ропота на языке его и размышления в сердце его, и он совершенно не судил внутри себя о том, что ему приказывал наставник. Но в глубине его духа было запечатлено, словно на некоторой скрижали, что, при исполнении всякого дела и всякого приказания, должно делать так, как завещает Павел, без ропота и рассуждений исполняя приказанное. Либо какая польза делающему что-либо доброе, если на устах его ропот, а в сердце, как змея, скрывается дурная мысль? Как улучшится душа того, который так служит? Как он преуспеет и достигнет лучшего? Отсюда происходит, что многие с большим старанием трудятся, по-видимому, для добродетели, но трудятся тщетно, не успевая и не подвигаясь вперед.

XXVI. Так упражняя подвижника всякими видами послушания, что же придумывает старец? Он связал много корзин для рыб, которые сам выдělывал, и под этим предлогом обращается к Иоанну с такими словами: "Я слышал, дитя мое, что в Дамаске корзины продаются дороже, чем в палестинских странах; а ты знаешь, что у нас много нужд; возьми их все и, как можно скорее, пойдй туда и продай их там не за иную цену и не за меньшую, чем я тебе назначу". И он определил за них цену вдвое большую (действительной) стоимости. Послушный же до смерти ничего не возразил на слово приказавшего; но, окрыленный послушанием, он возлагает на своя плечи ношу, и прежде выдающийся входить в Дамаск нищенски одетый, худой и грязный, .Он обходит площадь,

продавая корзины. Так как он ценил их слишком высоко, то возбуждал смех, и все преследовали его оскорблениями и поношениями. Наконец, один из тех, которые служили ему в то время, когда он был славен в этом городе, стоя неподалеку, вспомнил его лицо, и признал, кто этот столь жалкий и столь нищенски одетый муж и кем он был прежде. Со стесненным сердцем он подошел к нему и, как бы ничего не зная, купил корзины, дав ему ту цену, какую он просил. Он же, взяв деньги, возвращается к пославшему, словно некоторый победитель, храбро повергший на землю противника, каковым был родоначальник тщеславия и превозношения.

XXVII. Среди соседей наставника Иоанна был один монах, который оставил земное жилище, переселившись в обитель небесную и отойдя к Богу. У него был брат по плоти. Последний, удрученный несчастием, совершенно не мог молчать о смерти брата. Иоанн утешал брата и, насколько мог, словами рассеивал его скорбь. Скорбящий же настойчиво упрощает его сложить ему песнь, которая бы утешила его скорбь и успокоила его душу. Но Иоанн боялся заповеди старца и не соглашался на его просьбу. Однако просящий не переставал просить. "Неужели, говорил он, ты не пожалеешь души скорбящего человека и неужели ты ему не предложишь маленького лекарства, утишающего его боль? Если бы ты был телесным врачом, а меня бы терзала телесная боль, неужели ты не предложил бы мне сильного лекарства? И если бы я страшно страдал и, может быть, был близок к смерти, то неужели ты не понес бы наказания от Бога за свое небрежение? И теперь, допуская меня страдать в еще большей степени, не понесешь ли ты я большего наказания? Если же ты боишься заповеди старца, то знай, что о деле никому не будет сказано и никто о нем не услышит". Эти речи склонили Иоанна, и он составил монаху благозвучное песнопение об умершем брате, которое доныне устами всех поется, именно, песнопение: "Все суета человеческая".

XXVIII. Однажды, наставник Иоанна отлучился из кельи, а он, находясь в кельи, согласно пел упомянутый тропарь, старец же, извне подойдя, слышит этот приятный звук и с великим гневом говорит Иоанну: "Таким образом ты забыл о своих данных вначале обещаниях и вместо того, чтобы печалиться и скорбеть, сидишь радостный и наслаждаешься песнопением?" Он же объяснил старцу причину и обратил его внимание на скорбь того человека, который заставил его (сложить песнопение), и, пав ниц на землю, просил прощения. Но старец стоял подобно камню и, нисколько не тронувшись его просьбами, тотчас же изгнал его из своей кельи.

XXIX. Дивный же этот муж тотчас вспоминает о прародительском преслушании и о последовавшем за него изгнании из рая. Он не знал, как ему быть и куда обратиться, и был исполнен скорби более, чем потерявший брата, обращаясь к себе с такими словами: "Тот человек потерял брата, я же свою собственную душу погубил преслушанием". Наконец, он идет к другим старцам, которых он знал, как выдающихся среди других в добродетели, и посылает их предстателями к старцу, чтобы молить и просить его смягчиться к простить Иоанну его преступление. Они ушли и настойчиво молили его, но он не уступал, словно статуя, и не позволял своему ученику войти в его келью.

XXX. Тогда один из монахов в ответ ему сказал: "Ты можешь дать согрешившему другую заповедь, а не лишать его сожителства с тобою". На это старец ответил: "Я определяю Иоанну такую заповедь; если он желает, чтобы ему было прощено его преслушание, то он должен обойти всю площадь лавры и своими руками очистить в кельях монахов места нечистот." Они, услышав это и стыдясь его слов, ушли с печалью, удрученные суровостью старца. Иоанн, выйдя им навстречу и воздав обычное почтение, спросил, что определил ему отец. Они же ответили, что поражены суровостью старца и стыдятся передать его ответ. Но он настойчиво умолял их открыть ему. Наконец, уступив его просьбам, они

говорят ему об этой унижительной очистке. Он яже, услышав эти слова, вопреки всякому их ожиданию, сильно возрадовался и сказал, что ему это легко и в высшей степени приятно. И он тотчас идет и, испросив орудия очистки, приходит в келью монаха, жившего по соседству со старцем, и, войдя в нее, начал грязнить нечистотами те руки, которые он прежде обливал благовониями, и не поколебался погрузить в нечистоты — о дивное смирение мужа — свою правую руку, исцеленную Христом.

XXXI. Старец, узнав о великой ревности Иоанна в послушании и о глубине или, лучше сказать, о высоте его истинного и великого смирения, поспешно придя к нему, обнял его, пал на его шею, лобызая его руки, его глаза и плечи. "О, сказал он, какого великого подвижника блаженного послушания родил я во Христе!" Иоанн же, весьма смущенный словами старца, пал ниц пред ним, как пред лицом самого Бога, и орошал своими слезами землю. Ибо он не возгордился от слов отца, и похвалы старца не возбудили в нем превозношения; но он еще более смирился, и его ум был весьма удручен. Так разумные мужи от похвал смиряются и прославлением удручаются, возносясь умом своим к Богу. После этого отец поднял сына и, взяв его за руку, радостно удалился в свою келью. И, глядя на Иоанна, можно было сказать, что он теперь возвращается в райский Эдем. Изобразив сначала в себе древнего Адама преслушанием, он затем изобразил в себе и нового Адама, т. е. Христа, своим высшим послушанием.

XXXII. Спустя немного времени, старцу во сне является воспетая и чистейшая Богоматерь и говорит ему: "Зачем ты заградил источник, могущий изливать воду столь приятную, столь прозрачную. столь обильную и живительную, — воду, дающую утешение душам, воду, превосходящую ту, которая чудесным образом в пустыне истекла из скалы (Числ. XX, 21), воду которую желал пить Давид (Пс. XLI, 1), воду, которую обещал самарянке Христос (Иоан. IV, 10). Пусть течет источник; он будет. течь обильно и пройдет по всей вселенной, чтобы обилием своих вод покрыть моря ересей. И он изменит эти моря, придав им дивную сладость. И жаждущие должны идти поспешно к воде этой, и кто не имеет серебра чистой жизни, те, продав свои страсти, должны купить у Иоанна безупречную чистоту в учении и делах (Ис. LV, 1). Он возьмет также пророческую кифару и псалтырь Давида и воспет новые песни, песни Господу Богу. Он своими песнопениями превзойдет песнь Моисея и хоровое песнопение Мариам (Исх. XV, 1 и 20). Басней окажутся суетные песни Орфея. Он воспет духовную и небесную песнь. Он будет подражать херувимским песням и всех дочерей Иерусалима сделает своими девами тимпанницами (Пс. LXVII, 26), воспевающими новую песнь Богу, которая возвестит смерть Христа и воскресение. Он даст правильное определение догматов веры и обличит неправоту и извращенность всякой ереси. От сердца своего он отрыгает благие слова и скажет дела царя предивные" (Пс. XLIV, 1).

XXXIII. Получив это откровение, старец утром призывает Иоанна и говорит ему: "О, чадо послушания Христу, открой уста твои, дабы привлечь Дух (Ис. CXVIII, 131). И то, что воспринял ты в сердце своем, отрыгни устами твоими: уста твои возглаголят премудрость, ибо ты имеешь попечение в сердце твоём о разуме многом (Пс. XLVIII, 4). Открой уста твои, но не в притчах (Пс. LXXVII, 2), а в истинах, и не в загадках, но в учениях. Изреки среди Иерусалима, видящего Бога, т. е. среди Его мирной церкви, изреки не слова пустые, растекающиеся по воздуху, но те слова, которые Дух начертал в сердце твоём. Ты поднялся на гору Сион, гору боговидений и откровений в то время, как смирил себя до глубины великого смирения. Теперь поднимись на гору Церкви и возвести, благовествуя, Иерусалиму, возвыси крепостью голос (Ис. XL, 9), ибо славное сказала мне о тебе Богоматерь. Мне же ты прости, если я тебе в чем препятствовал, так как я это делал по своему невежеству".

XXXIV. С этих пор Иоанн начал составлять (Божественные песнопения. Он воспел сладчайшие песни, которые возвеселили Церковь и сделали ее местом скинии Божьей, где слышится светлый шум празднующих (Пс. XLI, 5). Кроме этого, он написал еще речи, посвященные светлым праздникам, а также священную книгу я, так сказать, богоначертанную скрижаль, которая служит немалым утешением всем как мудрым, так и простым, и является дверью вхождения в тайны богословия и прочие догматы святой веры, а равно заключает в себе в сжатом виде познание о всем существующем, как мыслимом, так и воспринимаемом чувством. Я бы назвал эту книгу небом, которое блистает, словно звездами, правильными доказательствами, заимствованными как от природы, так и от писаний, при чем и те, и другие весьма учены. И тот, кто не поднимает своего взора к этому небу и не видит находящихся в нем красот, и не наслаждается его светом, тот или слепец, или находится во тьме. И я назвал бы несчастным того, кто закрывает глаза пред этим Божественным блеском. Кроме этого, Иоанн составил пространные слова — и снова о почитании Божественных икон. И насколько в нем самом первоначальная красота образа Божия стала прекраснее выражена, настолько и о почитании Божественных икон он рассуждал теперь возвышеннее и изящнее, чем (прежде).

XXXV. В этих трудах ему оказывал помощь братскими советами тот, кого он имел братом во Святом Духе, именно прекрасный Косьма, разделявший и его учение, и его подвижничество. Косьма также составлял песнопения, умело подражая духовным трудам Иоанна. Кроме того, и сам он в Церкви воспевал согласные песнопения на кифаре и голосом псалма, превратив свое собственное тело через умерщвление страстей в тимпан Богу, соделав всего себя как бы новой десятиструнной псалтирью и искусно, и мудро напрягая все пять телесных чувств и одинаковое число душевных сил. Но Косьма рукополагается патриархом иерусалимским во епископа города Майюмы, рукополагается не по доброй воле, но уступив принуждению. Затем хорошо пася свое стадо и как то угодно Богу, он, препитан в старости доброй (Быт. XV, 15), отошел к своим отцам или, лучше сказать, отошел к Богу. Что же касается Иоанна, то управляющий иерусалимской Церковью, по внушению свыше, призвал его к себе и рукоположил во пресвитера, чтобы на кафедре пресвитеров он прославлял Господа.

XXXVI. Он же, возвратившись в лавру богоносного Саввы и, так сказать, высокопарящим орлом войдя опять в свое гнездо, не вспомнил об наставлении Апостола, что пресвитеры сподобляются сугубой чести (I Тим. V, 17); но, изменив это изречение по своему, говорил, что пресвитеры должны заботиться о двойном смирении, что пресвитеры должны вдвое подвизаться, чем прежде, что пресвитеры должны вести двойную борьбу, сражаясь не только с телесными страстями, но и со страстями душевными и тайными, которые часто бывают незаметны для подвижников, если только они не бодрствуют усиленно. Поэтому и не чувствуя их, человек может коснет в них. Эти страсти суть: коварство, зависть, самомнение, скрытая гордость, тщеславие под видом смирения, озабоченность чужими делами, к которой относятся многие виды зла, проистекающего от языка, превозношение, мечтательность, испорченный нрав, превозношение смирением тела, воздержание соединенное с сладострастием, утверждение собственной воли, корыстное пристрастие к ничтожным вещам, отступление от принятой одежды, вследствие чего возникает обособление от братьев и скрытая приманка к превозношению.

XXXVII. Стараясь все это с корнем вырвать из своей души, Иоанн к трудам прилагает труды и особенно труды духовные: он напряг весь свой ум и, собрав все то, что прежде написал, просмотрел это, упорядочивая, украшая и исправляя, чтобы придать большую точность выражениям: смыслу, объему и плану; и где встречалась чрезмерная цветистость и как бы нарушалась мера, там он благоразумно старался сообщить большую важность,

чтобы в его книгах не было ничего показного и пустого. Поэтому кто обратит внимание на его произведения, тот увидит высоту его учения и красоту его слова, соединенную с величием. А его ревности о благочестии кто не усмотрит из его книги? Кто также не заметит того, как он всем раздавал богатства мудрости своей, так что полученный им талант знания он не вдвое умножил, но вдесятеро? Не хочу увеличивать число, чтобы не показалось, что я выхожу за евангельские пределы, ибо не хорошо без всякого повода говорить неумеренные вещи.

XXXVIII. Божественная ревность побудила его к тому, что, выступив на защиту рождественных установлений, он сначала в Дамаске, а затем в Палестине боролся против тех, которые в Константинополе уничтожали и оскорбляли честные иконы. Поэтому-то сын великого города Антиохии, называвшийся, подобно первомученику, Стефаном, и как и тот, побитый камнями — только не за Христа, а за его икону, упоминает о книгах Иоанна и далее о его борьбе против нечестивых, называя его богоносным мужем, хотя Иоанн и не имел архиерейского помазания. Однако, нельзя отрицать истины, что голова Иоанна была украшена венцом мученичества, ибо вследствие его ревности о благочестии, благочестивый муж подвергся клевете, из-за которой была отсечена его рука.

XXXIX. Так совершив течение своей жизни и своего подвига, сохранив веру или скорее расширив ее своими книгами и укрепив своим учением и до сего времени своими трудами укрепляя ее, содействуя ей и сохраняя ее, он отошел ко Христу, Которого возлюбил. И теперь он видит Его не на иконе и поклоняется Ему не в изображении, но Самого Его созерцает лицом к лицу, взирая с непокрытым лицом на славу блаженной Троицы. Поэтому-то и следовало мне посильными словами прославить подвижника, украшение Церкви, вождя истины — вождя как в подвигах, так и в учении, наставника неразумных, учителя непосвященных. Это я сделал не с тем, чтобы прибавить что-либо к его славе, но чтобы он вспомнил о нас на небе и чтобы мы, еще пребывающие на земле, наполнились его небесной славою, тою небесною славою, о которой свидетельствует Давид в отношении дочери царя и царской души, говоря: вся слава дщери цареви внутрь (Пс. XLIV, 14).

XXXX. Прости меня, трижды блаженный муж, и будь моим ревностным и твердым предстателем пред Богом после того, как я, носящий твое имя, по любви к тебе и по твоему внушению и даже, если это нужно, по твоему поручению, переделал это прекрасное приношение, сделанное другим просто, как он мог, и написанное арабским языком и арабскими словами. И ты сделай меня также поклонником Троицы, поклонником, отрешенным от всего вещественного и освободившегося от тела, погруженным в созерцание, посвященным целиком всеожжению божественной любви, чтобы после того, как утихнут телесные страсти, я вместе с тобою стал дерзновенно пред лицом Бога, Которому слава во веки веков. Аминь.